
Э. С. КУЛЬПИН

КОНФЛИКТ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ В РЕФОРМАХ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

До сих пор в реформах России XIX – начала XX века выделялись проблемы, связанные с землей, новыми технологиями хозяйствования, введением всеобщего начального образования, утверждением и соблюдением законности и другие, список которых достаточно велик. Изменения в сфере общественного бессознательного – основы перехода от традиционной к европейской системе основных ценностей – оставались в тени. По мнению автора, этот переход должен был стать результатом всего комплекса преобразований и прежде всего – принятия двух взаимосвязанных ценностей: частной собственности и закона.

Ключевые слова: *социоестественная история, технологии, модернизация, цивилизация, система ценностей, власть, собственность, закон, средний класс.*

Главное звено преобразований в реформах П. А. Столыпина – создание социального слоя, которого до того не существовало: мелких частных собственников в деревне. Представители этого нового слоя, по мысли Столыпина, должны быть политически равными с представителями всех других социальных слоев, не исключая ранее привилегированных сословий. Экономическая свобода мелких частных собственников в деревне, согласно Столыпину, основывалась бы на частной собственности на землю и свободном труде, результаты которого реализовывались бы на рынке, превращаясь сначала во всеобщий эквивалент и затем способствуя развитию хозяйства, расширению частной собственности, формированию самостоятельной, отвечающей за себя и других личности. При этом частная собственность, результаты индивидуального частного труда, нацеленность на преобразования должны были быть защищены законом. Иными словами, в дальней перспективе перед крестьянами, которые составляли подавляющее большинство населения России, появлялась возможность перейти на путь интенсивного развития. Среди препятствий для достижения цели были явления четко

видимые – неграмотность крестьян, технологическая отсталость, неразвитость политических и социальных институтов. Однако главным и социально неотрефлексированным условием оставалось изменение системы основных ценностей в связи с глубинным конфликтом двух ментальностей – традиционно российской и западной.

Незавершенность перемен

Россия – страна европейской культуры. Но европейской ли ментальности? Правда, когда русский человек начинал жить в Европе, то усвоенная им на родине европейская культура чаще всего позволяла ему адаптироваться к системе ценностей, и это создавало иллюзию его изначальной ментальной принадлежности к Европе. Более того, возникала иллюзия возможности изменить ментальность без принципиального изменения системы основных ценностей, за счет усвоения пусть важных, но отдельных элементов культуры. Потому возникла убежденность, что культура и ментальность – синонимы. Так ли? Если так, то почему, как подчеркивал В. О. Ключевский (1988), крепостные крестьяне видели в своем барине француза, а французы – переодетого татарина? При этом оба – и крестьянин, и барин – мыслили себя только русскими. Чем определялась их «русскость»? Если не культурой, то системой основных ценностей.

В разных цивилизациях при едином общем наборе ценностей значимость ценностей, определяющих образ жизни и мыслей, различна. Различия особенно представительны в *целостных системах основных ценностей*, которые остаются неизменными на протяжении веков, а иногда и тысячелетий. Так, в европейской цивилизации существуют ценности 1-го порядка – *личность и развитие*, 2-го – *свобода, равенство, солидарность*, 3-го – *труд, эквивалент (эквивалентный обмен), частная собственность, закон (право)*. В китайской ценности 1-го порядка – *государство и стабильность*, 2-го – *мир, порядок, традиции*, 3-го – *иерархия, ритуал, прошлое конфуцианское знание* (см.: Кульпин 2012).

Изменения – подвижки значимости в системах основных ценностей – происходят во время фундаментальных преобразований общества. В истории России они, в частности, произошли в царствование Петра I. В ходе петровских преобразований, причем отнюдь не целенаправленно, а спонтанно, методом проб и ошибок, и отнюдь не в сфере сознания, а в области общественного бессознательного в конкретных условиях Северной войны, сформирова-

лась целостная система основных ценностей российского общества. Ценностями 1-го порядка стали *государство* и *интенсивное развитие*, 2-го – *неформальный социальный договор*, *служение и порядок*, 3-го – *государственное регулирование*, *иерархия*, *знание*. В условиях войны роль государства была первостепенной, а особенностью петровского государства был его патерналистский и меритократический характер.

Специфика петровской эпохи – эпохи перемен – заключалась в ее незавершенности и оттого – эластичности целостной системы основных ценностей. Общество находилось в процессе преобразований. Незавершенные преобразования не адекватны конечному результату. Текущему моменту соответствовала система ценностей, доказавшая эффективность в условиях всеобщей мобилизации военного времени, когда все сословия были введены в крепостное состояние. Из этого состояния после окончания войны могли выйти как все сословия вместе, так и только некоторые. Модернизатор, возможно, не остановился бы на достигнутом, как не останавливался ранее. Он делал шаги по переходу на европейские нормы жизни, которые исподволь трансформировали отечественную систему ценностей в европейском цивилизационном направлении. Известно, что Петр мечтал превратить Россию в обожаемую им Голландию, а тогдашняя Голландия олицетворяла умонастроения экзогенной, органической модернизации.

Иными словами – и это следует подчеркнуть, – цель у реформатора была. Но она не была четко оформленной, и не существовало разработанной комплексной программы действий. Все преобразования шли спонтанно в ходе решения текущих проблем. Модернизация в условиях военного времени изменила систему государственного управления и государственную промышленность, связанную с нуждами армии. Резкий рост профессиональных знаний произошел в социальных слоях, непосредственно связанных с госаппаратом и отраслями военной промышленности. Изменились дворянство и крупное купечество, причем дворянство изменилось качественно и количественно. Оно удвоилось, но оставалось незначительной частью общества, не превышало 2 % населения страны. В то же время перемены затронули все слои общества, но выразились прежде всего в сильной зависимости всех от государства, во всеобщем крепостничестве, которое как средство мобилизации людей и ресурсов было необходимым для достижения цели. В военных условиях оно вовсе не было противоестественным, но модер-

низационное умонастроение от этого не становилось всеобщим. Иными словами, при сохранении крепостничества Россия не могла превратиться в Голландию в принципе.

Для перехода петровской модернизации из догоняющей, экзогенной, неорганической в опережающую, эндогенную, органическую требовалось не только сохранить престижность знаний в сфере государственной службы (меритократия), но и установить аналогичную ценность знаний в обществе в целом. Последняя возникает только тогда, когда знания через труд конвертируются в частную собственность, а незыблемость собственности охраняется законом. Умонастроение органической, экзогенной модернизации Европы имеет своим основанием триединство: знания – частная собственность – закон. Без закрепления этого основания любые преобразования в России, где не было традиций частной собственности и закона «превыше короля», модернизация в принципе возможна только одного рода – догоняющая.

Благо и зло крепостной системы

Окончание Северной войны и переход к миру открывали возможность продолжения реформ, распространения умонастроения перемен в массовые слои общества. Какими должны быть не только внешние, но и внутренние перемены, реформатор не знал. Осуществляя реформы по европейскому лекалу, Петр копировал не основание здания европейской цивилизации, о котором он, видимо, даже не задумывался, а надстройку – то, над чем не надо было думать, а нужно было просто видеть. В конечном счете он копировал необходимое, но вовсе не достаточное: здание без его скрытого в почве традиций фундамента. Могло ли копирование надстройки автоматически подводить под него фундаментальные основания и с течением времени изменить основы русской жизни? Этого мы не знаем: процессы остались незавершенными. Ясно, что умонастроение должно было утвердиться не только в среде, подготовленной к восприятию нового – дворянско-городской, но и в консервативной массе населения – крестьянстве. Крестьянство, в частности, должно было быть освобождено от крепостного права. Но было ли это возможно во времена Петра? Можем ли мы увидеть недвусмысленные шаги преобразований в данном направлении?

Как известно, крепостная зависимость возникла при первом Государе всея Руси Иване III как единственно возможная система оплаты труда помещиков за службу государству, т. е. чиновников,

поскольку из-за неразвитости рыночных отношений денег у Государя не было. Основная служба в те времена была военной. От Ивана III до Петра I важнейшей составной частью армии было дворянское ополчение: каждый помещик должен был являться по призыву царя на службу «конно, людно и оружно», а содержать боевых холопов помещика должны были холопы пашенные, пахавшие землю поместья. Были ли у первого российского императора, в отличие от первого Государя всея Руси Ивана III, средства на содержание армии не за счет крепостных помещика?

Петр I ликвидировал институт дворянского ополчения, т. е. и содержание армии непосредственно за счет крестьян. Известно, что он сделал существенный шаг в направлении сокращения расходов на содержание помещиков за счет крестьян декретом о единонаследии. До декрета землю и крестьян можно было передавать всем наследникам владельца. Петр I «Указом о единонаследии» ограничил возможность передачи наследства одному наследнику мужского пола, поставив остальных перед необходимостью добывать «хлеб свой насущный» за счет частного предпринимательства или на службе государству. Одновременно государь ограничил права дворян на крестьян и их труд.

Думается, Петр имел средства для оплаты труда военных и штатских чиновников из казны после тотального обложения налогами населения и возможного увеличения доходов от внешней торговли. Известно, что казенная торговля с Китаем (поездки частных при Петре были запрещены), несмотря на громадную протяженность пути и небольшой по тоннажу товарооборот (грузоподъемность корабля пустыни – верблюда – составляла всего 150 кг), существенно снизила налоговое бремя населения России. «Прибыли, полученные от торговой экспедиции 1710 г. в Китай... позволяли закрыть половину всего бюджетного дефицита страны за 1710 г. Доход от поездки 1712 г. мог обеспечить всю деятельность тогдашнего российского Генерального штаба на протяжении двух с половиной лет. Только три каравана (1706, 1710, 1712 гг.) в совокупности принесли средства, равные почти 20 % общих годовых расходов на полное содержание сухопутной армии и ВМФ (300 тысяч человек) воюющего российского государства» (Григорьева 2002: 212–213; см. подробнее: Она же 2000: гл. 3).

Немалые доходы сулила России торговля с Ближним Востоком по Великому Волжскому пути за счет дешевизны транспортировки грузов и объема перевозимых товаров по воде. Этому фактору как

важнейшему логистическому преимуществу России в войнах придавал большое значение У. Мак-Нил (2008). Но и для мирной жизни быстрые, дешевые и безопасные водные пути до железных дорог были главной экономической скрепой России как целого. Сухопутные дороги в империи были притчей во языцех издавна, а водные пути имели лишь один недостаток: меридиональную ориентацию. Волга, бассейн которой охватывал большую часть территории европейской России и вел на Восток – в Персию, имела не только меридиональную, но широтную направленность. Случайно ли сразу после окончания Северной войны был заключен Петербургский договор с Персией, по которому в состав Российской империи включалось западное и южное побережье Каспия? Потомки не имели кругозора великого реформатора, и после его смерти возможности Великого волжского пути для международной торговли были утрачены.

Важнейшие факторы развития, существовавшие при первом императоре: образование, доступное всем без исключения, экономическая правоспособность всех слоев населения, прямая политическая и фискальная связь с государством представителей всех сословий – все это объективно благоприятствовало созданию массового умонастроения модернизации. Чтобы это умонастроение стало всеобщим, кажется, достаточно было, как в Европе, освободить крестьян от власти помещиков. Пример Европы был предельно понятен: во Франции, Англии, Голландии, Испании, Италии крепостная зависимость ушла в прошлое в XIV–XV веках, и именно после этого началось интенсивное развитие. Логика преобразований вела Петра к освобождению крестьян, но насколько далеко он мог бы зайти на этом пути, мы не знаем, поскольку завершить реформы он не успел. Помимо освобождения крестьян, для того чтобы сформировалось умонастроение развития за счет собственной инициативы, все слои общества должны были иметь свободу экономической деятельности, политическую и юридическую правоспособность. И, надо подчеркнуть, они имели их при Петре и утратили после его смерти. Главной задачей любого реформатора является создание механизмов самозащиты нововведений, только в этом случае общество проходит «точку невозврата». Кажется, Петр об этом просто не думал, поэтому в последующие эпохи был девальвирован ряд фундаментальных достижений начала XVIII века. И все же, хотя история не имеет сослагательного наклонения, нельзя утверждать, что иного России не было дано.

Думается, что если бы вместо традиционного *владения* землей и имуществом был введен, как в Европе, институт частной собственности, охраняемой законом и распространенный на все слои населения¹, дворянству было бы непросто ужесточить крепостное право для крестьян и приватизировать (узурпировать) права государства (см.: Кульпин и др. 2005).

Власть – собственность vs собственность – закон

Все основные европейские ценности были для россиян не просто привычными, но обладали высокой значимостью. Исключение составляла частная собственность на землю – основной вид собственности в Европе. У частной собственности на Руси не было технологического основания. Земля здесь обладала не вневременной, а ограниченной во времени ценностью. Русские исторически – вечные целинники: осваивали целину и эксплуатировали ее, пока она давала урожай. Переставала давать – бросали: оставляли в перелог – на самовосстановление. Самовосстановление плодородия почв в Замосковном крае растягивалось на 150 лет, т. е. для Средневековья на срок демографической смены восьми поколений, когда уже напрочь забывалось, во владении чьих предков эта земля была когда-то. *Не было на Руси традиций перманентного восстановления плодородия почв культурным хозяйствованием и передачи не теряющей плодородия земли от одного демографического поколения к другому, как в Европе, а отсюда не было и понятия земли как частной собственности. А поскольку недвижимость до сих пор имеет ценность именно как основной вид собственности, то в российском общественном бессознательном не было места частной собственности как высшей ценности.* При переходе России на европейскую систему основных ценностей требовалось не просто воспринять все основные европейские ценности как наиболее значимые, но, что гораздо важнее, воспринять все взаимосвязи элементов целостной системы основных ценностей, связанных с частной собственностью традиций, например, майората, когда недвижимость могла передаваться по наследству лишь одному собственнику², а не делиться на всех потомков, как это изначально было на Руси², т. е. именно того, что делало систему целостной и создавало

---

¹ Если не все слои имеют одинаковые права, то нововведения воспринимаются не как правило, а как исключение или как нечто другое. При Екатерине Великой помещики получили право собственности на землю. Но восприняли его как сословную привилегию за службу государству, т. е. не как собственность, а как вечное владение.

² Нарушением традиции было введение единонаследия Петром, которое, как известно, само собой не прижилось, было отторгнуто обществом.

ее конкурентное преимущество. Как известно из общей теории систем, система больше суммы элементов, ее составляющих. И эта целостность, а не суммарность, является главным преимуществом системы перед механическим соединением частей.

В системных взаимосвязях в европейской системе основных ценностей решающее значение приобрела связка «собственность – закон», при этом собственность – частная, а закон – «превыше короля». Данная связка подразумевает заключение негласного социального договора, согласно которому посягательство власти на частную собственность аморально. На Руси исторически утвердилась иная связка – «власть – собственность». В 1497 году государство по Судебнику (аналог конституции) объявило, что «вся земля должна служить», т. е. что в стране не может быть другого вида собственности на природные ресурсы, кроме государственной. Понадобилась такая декларация для утверждения поместной системы – основы государственного управления. При этом в XVI веке был заключен негласный социальный договор взаимного *служения*, в котором государство (царь) должно служить народу, для чего народ должен служить помещикам – слугам государевым (историю «заключения» договора см.: Кульпин 2008).

Хартия вольностей 1761 года и жалованная грамота дворянству 1785 года освободили помещиков от необходимости служения государству и закрепили за дворянами монопольное право владеть землей и крепостными. При этом земля впервые передавалась помещикам не во временное владение, а в частную собственность. Одновременно этим актом создавался институт частной собственности – до того самого понятия частной собственности не существовало. Дворяне получили землю в частную собственность и право на свободу и труд работающих на земле крестьян в нарушение логики и смысла неформального социального договора взаимного служения: то, что было получено во *временное пользование*, не может быть собственностью по определению. Естественным собственником земли может быть не временный владелец, но постоянный, т. е. в данном случае не помещик, но крестьянин. Понятие *собственность*, появившееся в тогдашнем русском законодательстве, возникло не путем саморождения, саморазвития в народном сознании и затем утверждения в общественном бессознательном, а внешним и *внеэкономическим* путем – передачей помещикам государственной земли в частную собственность. Приватизация земли дискредитировала цивилизационный культурный проект, т. е. была

аморальным актом. *Освобождение дворян во второй половине XVIII века от обязательной службы государству при сохранении крепостной зависимости крестьян от помещиков и земли в форме частной собственности помещиков стало актом приватизации государственной (общенародной) собственности с нарушением неформального (негласного) социального договора, что было социальной несправедливостью.* Но она была утверждена государством, т. е. получила законную силу.

Поскольку никаких традиций частной собственности не было, то процедура приватизации встретила не только ментальные, но и технические препятствия, вылилось в сложное и длительное мероприятие. Начатое в 1765 году Генеральное межевание растягивается на полстолетия и завершается в XIX веке. В отличие от прошлого приватизация государственной собственности в конце XX века осуществлялась стремительно, но в целом по тому же «шаблону», что и в середине XVIII века: кто чем распоряжается от имени государства, тот то и получает в частную собственность.

Получив землю не в результате труда, преобразованного через эквивалентный обмен в собственность, а путем «дарения» (точнее, захвата у государства), помещики подсознательно воспринимали собственность не как результат собственного труда, а как сословную привилегию за *служение* государству. Потому они и не стремились умножить собственность трудом *вне* такого служения: частной хозяйственной деятельностью в промышленности или земледелии (конечно, такое случалось, но было исключением из правила) и часто со сменой поколений теряли «халявно» приобретенный «дар». Однако в результате государственной, т. е. *законной* передачи поместий в частную собственность *в стране появилось понятие частной собственности на землю, как и в Европе, охраняемой законом.* Произошло вхождение в русскую жизнь ценностей европейской цивилизации. Жалованная грамота дворянству создала ситуацию, в которой частная собственность как цивилизационная ценность и связка *частная собственность – закон* стали юридическим достоянием не только дворянства, но и всех слоев населения страны, кроме самого многочисленного – крепостного крестьянства. Для крестьянства продолжала действовать связка *власть – собственность*, хотя функции государственной власти были узурпированы одним из социальных слоев, а именно – дворянством. Родовая травма узурпации государства одним социальным слоем стала препятствием на пути перехода к европейской системе основных

ценностей крепостного крестьянства – большинства населения России. Поскольку частная собственность дворянства не умножалась трудом, она не способствовала развитию страны, как в Европе. В итоге именно промышленное отставание России от Европы обусловило поражение в Крымской войне и необходимость нового витка реформ.

«Проклятие» социальной несправедливости

Казалось бы, следующий цикл преобразований – Великие реформы – начался именно с того, на чем остановился первый: освобождения крестьян от крепостной зависимости. Однако как быть с землей? Теоретически существовало несколько путей решения проблемы.

Оставить землю в собственности помещиков в соответствии с ранее принятыми государственными актами и тем самым утвердить верховенство закона и социальную несправедливость жалованной грамоты дворянства.

Передать землю крестьянам безвозмездно, устранив вопиющую социальную несправедливость, но нарушив не только экономические интересы дворянства – опоры государства, – но и незыблемость ранее принятых государственных законов.

Передать землю крестьянам бесплатно, а помещикам компенсировать ее стоимость из средств государства, попытавшись и сохранить незыблемость закона, и исправить социальную несправедливость. При этом, если главные доходы государства слагались не за счет налогов с крестьянства, исправление могло быть одновременно и политическим, и экономическим. Если же доходы слагались в основном из налогов на бывшее крепостное крестьянство, то такое исправление было бы только политическим.

Предоставить крестьянам возможность выкупить землю у помещиков с помощью государственного кредита, сохранив незыблемость закона и социальную несправедливость.

Как известно, осуществлен был именно последний вариант, стимулировавший рост населения, спровоцировавший социально-экологический кризис и социальную революцию.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости 19 февраля 1861 года происходило с выкупом земли, который брался не с отдельного крестьянина, а с общины с рассрочкой платежа на 50 лет. Община отвечала за неукоснительность выплаты выкупа, что автоматически означало по крайней мере полвека не частного, но кол-

лективного собственника крестьянской земли. Обязательство выплаты выкупных платежей за землю государству общиной, а не отдельными крестьянами освободило крестьян от помещиков, но поставило их в не меньшую, а нередко и бóльшую зависимость от общины. Община гарантировала выживание членов распределением земли по едокам. Коллективный собственник делил землю между членами общины по принципу максимальной социальной справедливости – по едокам, что стимулировало снижение детской смертности: чем больше в семье было детей, тем больше ей полагалась земля³. Система перераспределения наделов в числе других причин провоцировала демографический рост, хищническую эксплуатацию земли, обнищание деревни и девиантное поведение населения (см.: Кульпина 2009).

В России с 1850 по 1900 год население удвоилось, а в первые полтора десятилетия XX века возросло еще на 30 % (Вернадский 1997). В результате к 1901 году избыток рабочей силы в деревне достиг 23 млн., к 1914 году – 32 млн., что составило 52 % и 56 % от всего наличного числа работников в деревне (Миронов 1999: 412). Стремительно развивающаяся промышленность не могла поглотить избыточное крестьянское население. К тому же развитие городской инфраструктуры резко отставало от промышленного развития.

В условиях непрерывного и неравномерного изменения числа членов семей для соблюдения принципа социальной справедливости переделы земли были частыми. При таких условиях рост населения блокировал саму возможность закрепления пашни за отдельными крестьянами. Вся земля находилась во временном пользовании, поэтому вкладывать средства в повышение ее плодородия, внедрять более производительные технологии не имело смысла. В результате начался процесс неуклонного падения плодородия почв, участились неурожаи. Во второй половине XIX века в наиболее важных аграрных районах России плотность населения, антропогенное давление на землю, падение плодородия почв достигли критических значений, вызвав массовый голод в областях с наиболее плодородными землями, и в конечном счете стали причиной социальной революции 1905–1907 годов.

---

³ Во второй половине XIX – начале XX века отмечался рост населения по всей Европе. Поскольку причины роста не были повсеместно идентичными, остается предположить, что он стал следствием всеобщей нарастающей уверенности населения Европы в грядущем светлом будущем за счет научно-технического прогресса.

С одной стороны, было ясно, что необходима принципиальная замена средневековой технологии земледелия на современную, при которой происходит повышение плодородия почв, невозможное без утверждения частного собственника – хозяина земли, лично ответственного за ее плодородие как основу жизни текущих и последующих поколений. Не столько в сознании, сколько в общественном бессознательном старые критерии справедливости, исходившие из взаимоотношений внутри только самого общества, без учета отношений с природой, должны были быть заменены новыми. В новых – *справедливо прежде всего то, что не ведет к деградации природы, а уже после этого можно принимать решения, исходя из социальной справедливости.*

С другой стороны, в традиционных представлениях оптимальное решение проблемы мыслилось в форме восстановления социальной справедливости – возвращения несправедливо отнятой помещиками земли у крестьян. Это решение, инициированное растущей физической нехваткой земли в крестьянских хозяйствах, обусловило требование немедленной экспроприации помещичьих земель в пользу крестьян. Само понятие частной собственности на землю отторгалось сознанием и общественным бессознательным русского народа. Требование экспроприации частной помещичьей собственности имело глубинное моральное основание как восстановление справедливости. Однако такое требование блокировало возможность интенсивного развития деревни, провоцировало действия, углублявшие экологический кризис и как следствие – кризис социально-экономический.

Нужно было одновременно и быстро осуществить меры экстенсивного (срочно устранить дефицит земли) и интенсивного (повысить плодородие почв) развития. Лишь немногим в стране было ясно, что без перехода от коллективной (общинной) к частной собственности на землю нельзя остановить процесс деградации почв, а без немедленного устранения физического малоземелья невозможно сдержать социальный взрыв, имеющий глубинное основание в социально несправедливом происхождении права помещиков на землю. И то и другое блокировалось принципиальной нерешенностью проблемы собственности на природные ресурсы. Крестьянство, законсервированное социально и технологически, стало тормозом не только дальнейшего развития страны, но и самого ее существования.

Мероприятия Великих реформ преследовали цель модернизации лишь одного из двух субэтносов России – дворянско-городского, который воспринял умонастроение модернизации. В целом к моменту Февральской революции города завершили процесс модернизации по европейскому образцу, где действовала связка «знания – частная собственность – закон». Второй субэтнос – крестьянский – до П. А. Столыпина не участвовал в этом процессе. В умонастроении крестьян не были представлены престиж знаний, частная собственность и охраняющий ее закон. Законы не были едиными для всех. Город жил по законам, деревня – по традициям (обычаям). Как пишет Б. Н. Миронов (1999: 410), «не только в народном сознании, но также и в сознании интеллигенции, в общественной и политической мысли России вплоть до 1917 года доминировало отрицательное отношение к частной собственности на землю. В Манифесте от 17 октября 1905 года среди дарованных гражданских свобод мы находим неприкосновенность личности, свободу слова, собраний и союзов, Государственную думу с законодательными полномочиями, но там не нашлось места для частной собственности. И вряд ли это было случайностью. В отличие от западноевропейской традиции, преобладающей массе населения, либеральным и социалистическим партиям частная собственность не казалась атрибутом гражданских прав... Лишь после революции 1905–1907 гг. правые партии, октябристы и правительство, защищавшие помещное землевладение, стали твердо придерживаться принципа священности и неприкосновенности всякой частной собственности, в том числе на землю; кадеты допускали конфискацию помещичьей земли “по справедливой (нерыночной) оценке”».

Столыпин, проводя реформы, твердо стоял на том, что частнособственную помещичью землю передавать крестьянам нельзя. Правда, он обосновывал свою точку зрения не тем, что в принципе нельзя экспроприировать частную собственность, а тем, что экспроприация нецелесообразна. Она лишь несколько отодвинет кризисную ситуацию в природе и обществе и не только не решит ее, но усугубит в ближайшем будущем⁴. Он предлагал для разрешения

---

⁴ В речи по аграрному вопросу 10 мая 1907 года Столыпин констатировал, что «путем передела всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль...» (цит. по: Пушкарев 1999: 163). В 1905 году дворянам принадлежало всего 53 млн. десятин против 164 млн. десятин крестьянских земель. По подсчетам С. Г. Пушкарева (1991: 357), раздел дворянских земель

аграрного вопроса и подъема уровня крестьянского благосостояния целую систему мероприятий. Из них наиболее существенным было «освобождение крестьянина от тех тисков, в которых он в настоящее время находится» – тисков бедности и общины. Целью его было создание «крепкой индивидуальной собственности» («надо сделать русского крестьянина хозяином-собственником»). Столыпин убеждал думцев: «Надо дать ему (крестьянину. – Э. К.) возможность укрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность» (цит. по: Пушкарев 1999: 162–163).

Краеугольный вопрос, хотя так прямо он не ставился, заключался в признании священности частной собственности. Если частная собственность на землю признается священной, то она, полученная законным путем, должна быть таковой во всех случаях жизни. В том числе священна и та собственность, которая была получена с нарушением основ социального договора народа и власти, т. е. хотя и аморально, но законно. В общественном сознании должны были произойти революционные изменения.

Система мероприятий Столыпина (введение системы всеобщего образования, предоставление кредитов, переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, обучение новым технологиям и др.) в принципе могла быть осуществлена только при утверждении законности (в сознании) и священности (в общественном бессознательном) частной собственности на землю. Собственность и закон оказывались в одной связке. Крестьянство должно было разделиться на тех, кто хотел и мог стать собственником, принять личную ответственность не только за себя, но за жизнь своих потомков, и тех, кто не хотел и не мог этого. Целью реформатора было расколоть крестьян, оставить слабых на попечении общины и поддерживать сильных, дать возможность «сильным» перейти в систему ценностей европейской цивилизации и на их примере убедить остальных в принципиальной возможности и выгоды такого перехода.

Практически эта была попытка создания массового среднего класса – основного актора истории европейской цивилизации, все действия которого определены именно его системой основных ценностей. В России массовый средний класс мог возникнуть толь-

---

привел бы лишь к незначительному увеличению площади крестьянского землевладения и не уничтожил бы крестьянской бедности, не стимулировал общего подъема производительности крестьянского труда и урожайности крестьянских полей.

ко из самого многочисленного сословия – крестьянского. Крестьяне составляли в то время около 85 % населения, причем большая часть из них были русскими. Что касается нерусского крестьянства, то часть его – в Польше, Прибалтике, Финляндии и Западной Украине – уже были мелкими частными собственниками, и потому, утверждал Столыпин, их не коснулся кризис конца XIX – начала XX века, вызвавший страшный голод в русском Черноземье. Создать массовый средний класс, по мысли реформатора, нужно было из русских крестьян, из наиболее многочисленных представителей государствообразующего этноса. И именно русские крестьяне к такому крутому повороту основ жизни были готовы менее всего.

Столыпин пытался, но не успел, не смог форсированно привить крестьянству городское умонастроение и тем самым сделать умонастроение всего населения России единым, но решительные шаги в этом направлении были сделаны. Реформы Столыпина, прежде всего образования (с целью быстрого достижения всеобщей грамотности), освобождение крестьян от крепостной зависимости от общины, отмена сословных привилегий, мощная государственная поддержка стихийного массового переселения крестьян на новые земли⁵ не дали должного результата по ряду причин, в число которых входили внутренние, временные и внешние факторы: убийство реформатора и Первая мировая война.

Риск перемен

Столыпин знал в общих чертах, как проводить преобразования, но не имел четкого представления о размерах препятствий. Он не знал, сколько крестьян примут его преобразования, наберется ли «критическая масса», какая часть общества перейдет на европейскую систему ценностей, а какая просто должна отмереть после смены поколений, и делал ставку на тех, кто перейдет, – «ставка на сильных». Он знал отмеренные исторические сроки – время демографической смены поколений, которое тогда составляло 20 лет. Столыпин не знал, насколько будут удачными преобразования, но был убежден, что если не проводить реформы, то все рухнет: и государство, и общество. В любых преобразованиях должна быть

---

⁵ В 1880–1914 годах более 6 млн. русских переселились в Сибирь и около 4 млн. – на Кавказ. В то же время около 2,5 млн. жителей западных окраин России (в большинстве своем поляков и евреев) перебрались за океан. Благодаря железным дорогам и снижению стоимости наземных перевозок эти «предохранительные клапаны» дополнялись расширяющимися возможностями для трудоустройства в городах (Мак-Нил 2008: 359).

опора на готовые к ним социальные слои. В истории Европы сначала эти слои возникали, потом становились массовыми, и только после этого совершались преобразования, в России эти слои были малочисленными. Громадное большинство населения России было не удовлетворено жизнью, но плохо или совсем не представляло себе, как можно ее изменить. Из-за неудовлетворенности действительностью люди были готовы поддержать преобразования, смысл которых был им не вполне понятен, а результаты не очевидны. Русские крестьяне также рисковали. Но риск крестьянства, в силу традиций, веры в патерналистские функции государства, был меньшим, чем риск Столыпина. Решимость крестьян базировалась на отчаянии и вере в вождя, который должен был убедить их не столько словами, сколько конкретными действиями. Это понимал Столыпин. Он использовал традиции, согласно которым государство персонифицировано – царь должен вывести народ из кризиса, и поэтому твердо говорил от имени царя. Но эта вера подвергалась буквально каждодневной проверке личной честности и компетентности реформатора. При малейшем сомнении крестьяне были готовы отвергнуть предлагаемые правительством мероприятия. И после убийства Столыпина отвергли бескомпромиссно, что сделало неизбежным однозначное решение противоречий – путем военного противостояния.

Литература

Вернадский, Г. В. 1997. *Русская история*. М.: Аграф.

Григорьева, Е. А.

2000. *Российско-китайские отношения второй половины XVII – первой четверти XVIII века в контексте развития внешнеполитической доктрины империи Цин*: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород: НГУ.

2002. К вопросу о взаимосвязи европейского и дальневосточного направлений во внешней политике России II половины XVII – I четверти XVIII в. *Природа и самоорганизация общества (Социальноестественная история*. Вып. 22). М.: Московский лицей, с. 210–213.

Ключевский, В. О. 1988. *Соч.*: в 9 т. Т. 1. *Курс русской истории*. М.: Мысль.

Кульпин, Э. С.

2008. Становление системы основных ценностей российской цивилизации. *История и современность* 1: 49–75.

2012. Уроки петровской модернизации: социоестественный взгляд. *Историческая психология и социология истории* 5(1): 93–110.

Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М. 2005. *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия.

Кульпина, Ю. Э. 2009. *Генезис пьянства и хулиганства в России*. М.: УРСС.

Мак-Нил, У. 2008. *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках*. М.: Территория будущего.

Миронов, Б. Н. 1999. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. Т. 1. *Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. СПб.: Дмитрий Булавин.

Пушкарев, С. Г.

1991. *Обзор русской истории*. М.: Наука.

1999. *Ставка на сильных. Правда Столыпина. Альманах 1*. М.: Соотечественник.